

Татьяна Соломатина

Коммуна,
или
Студенческий роман

Татьяна Соломатина

Коммуна,

или

Студенческий роман

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С 60

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.

Оформление обложки *В. Камаева*

Соломатина, Татьяна Юрьевна.

С 60 Коммуна, или Студенческий роман / Татьяна Соломатина. — Москва : АСТ, 2015. — 512 с. — (Проза Татьяны Соломатиной).

ISBN 978-5-17-086394-5

Пронзительный роман о поколении, чья юность пришлась на конец восьмидесятых — начало девяностых годов двадцатого столетия. Главные герои учатся в медицинском институте. Студенческие колхозы, общаги, амфитеатры аудиторий, подвалы анатомки, морг судебки, клинические кафедры, операционные и очередь на разгрузку вагонов в порту. Дружба, предательство, верность, измена. И, конечно же, любовь.

Многолюдная, сумбурная, весёлая и грустная, едкая и нежная, удивительная, захватывающая, неповторимая и постоянно повторяющаяся история о нас. О всех нас, живущих на густонаселённой коммунальной планете.

И о Полине Романовой и Алексее Евграфове.

Финал никого не оставит равнодушным.

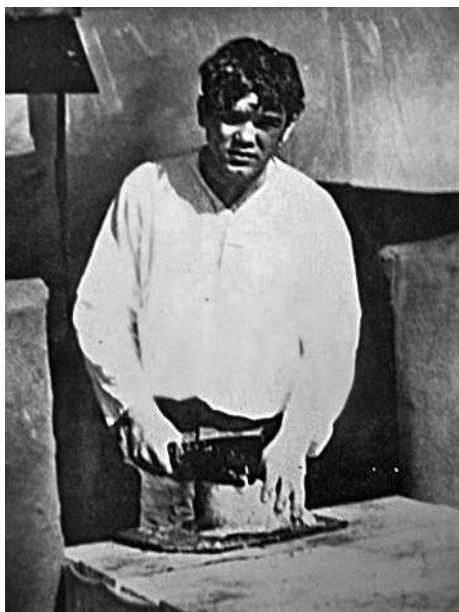
Любой финал — это следующее начало.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-086394-5

© Соломатина Т.Ю.
© ООО «Издательство АСТ», 2015

Светлой памяти Александра Цыганаша

*Неумолимо стелется прибой,
Врезаясь клином в мол на страже берега.
Над лунною дорожкой немой
Кольцо небес в сиянье берега.
Ветров так долго жданная прохлада...
Среди огней вдали ночного града
Подарен нам случайный фейерверк.
И хмель, вливаясь в кровь души, навек
В ней остаётся чудом голограммы.*

Одесса, Монастырский пляж,
ночь, июнь какого-то из девяно-
стных годов двадцатого века

ПРОЛОГ

Бог особо не напрягался, создавая нас.

Нас, родившихся в середине восемнадцатого века наследных принцев и потомственных нищих или на излёте двадцатого столетия — «дворников и сторожей» с замашками аристократов и обувью каторжан.

И у Капетингов, и у Рюриковичей, и у рабочих-крестьян-прослойки ранение крупных магистральных сосудов приводит к одному и тому же статистически достоверному результату. Бледная спирохета абсолютно одинаково воздействует на спинномозговые жидкости святейших монархов и обозных девок, вождей мирового пролетариата и люмпенов. Шарф, туго и резко затянутый на тонкой шейке изящной танцовщицы, механизмом воздействия ничем не отличается от «пенькового галстука», сдавливающего мощную выю пирата времён маркетингового освоения Великих географических открытий, — даже хруст шейных позвонков неотличим «на слух».

Мы одинаково мёрзнем, когда нам холодно, и потеем, когда жара. Мы расчёсываем комариные укусы, обгораем на солнце, испытываем жажду и не можем слишком долго обходиться без сна. Вряд ли среди нас найдётся хоть один индивидуум, получающий удовольствие от чесотки. Или испытывающий дискомфорт, нежась на свежем льняном белье после джакузи с солью Мёртвого моря. Мы можем предпочитать бисквит горчице, свинину морковке, шурпу фруктовому салату, аромат хорошего коньяка навозному духу, но у нас одинаково устроены вкусовые и осязательные рецепторы, да и ольфакторные тракты созданы по единой задаче — утверждённому техническому заданию. Мы созданы по

образу и подобию нас самих, так же как они — по образу и подобию соответствующей теоремы. Мы подобны богам, потому что те не смогли придумать ничего лучшего.

Нам кажется, что мы так по-разному любим, но видимость разнообразия побед и поражений на фронтах подобного рода отношений призрачна, а описания тактик и стратегий, наработанных за последний миллион лет, вполне уместятся в брошюрку карманного формата.

Встречаясь, мы жмём друг другу руки, целуемся, обнимаемся. Или отводим взгляд и спешим сделать вид, что очень заняты беседой и исследованием траектории движения пузырьков в бокале шампанского. У всех у нас бывают взлёты и падения, приступы мизантропии и припадки влечения друг к другу. Дизайн наших архетипов чуть разнообразнее архитектуры наших тел. Но отверстие в полу дощатого нужника деревни Северное Кретинищево и пафосный итальянский унитаз особняка на юге Франции несут одну и ту же конструктивно-функциональную нагрузку. Проверено.

Кем бы он ни был, этот Ответственный Квартироръёмщик, ставя на полку очередной том домовой книги Планеты, он старался делать нас очень похожими. Вероятно потому, что ему были нужны не просто жильцы, а дружная семья под озоновой крышей. И ещё — для того чтобы нам было не очень сложно уживаться друг с другом. Вызвано это было наверняка самыми лучшими побуждениями, исполнено в чётком соответствии с графиком финансирования, и форс-мажоры казались априори невозможными. Полагая, что мы будем петь хором в ванной, одинаково сильно любить друг друга, а также собак всех пород, давать кров бездомным котам всех мастей, не обижать никакую птаху малую и никогда не нарушать условия технической эксплуатации самих себя и, тем более, себе подобных, Он пошёл на этот смелый эксперимент, сказав: «Да будет Свет!»

И стало многолюдно.

А также — газ, вода, телефон и...

ПОДЪЕЗДЫ

«Мы — поколение подъездов.

Не тех, которые парадные или к имениям. Дворянские поместья или купеческие особняки — это из книг и через холщовые экскурсионные тапочки. Вот подъезды!.. Парадные... “— Ты в какой парадной живёшь? — В самой засанной!” Смысл слова “парадная” засан уже давно. Так что подъезды — это давно не дороги, а в парадных не так уж и парадно. Подъезды — это совсем другое. В подъездах мы, маленькие глупыши, постигали азы начальной анатомии, показывая друг другу “письки”. Позже обучались незамысловатому вокалу под несложный аккомпанемент в три аккорда на струнном инструменте с женской фигурой. Первым неумелым поцелуям и неловким, суетливым объятиям. Там же — первая сигарета как протест против неизвестно чего и первые же пустяковые беспричинные слёзы, уже чем-то похожие на взрослые “библейские” страдания. Там, в подъездах, мы по запаху определяли, что сегодня на ужин у соседей, кто последний выводил на прогулку собаку, сколько котят родила кошка Ларисы Абрамовны и будет ли сегодня скандал у четы Юшиных.

Мы — дети подъездов. Нам известны все вертикали и горизонталы бытия.

По вертикали — маразматичка Матильда Павловна забивала канализацию мелко нарезанными арбузными корками. По горизонтали — звучала прекрасная музыка, извлекаемая Валентином Иосифовичем из рояля “Беккер”, невесть откуда взявшегося в его нищенской обстановке. Мы знали, где выменять на бутылку портвейна “Проклятых королей” Мориса Дрюона: у Васьки из третьего подъезда. В прошлой жизни он был Василием Николаевичем, преподававшим филологию в университете. Приняв стакан принесённых нами “чернил”, купленных на сэкономленные карманные, он читал наизусть прекрасные слова хорошо поставленным голосом профессиональных конферансье и лекторов.

“Москва — Петушки”.

Москва будоражила воображение. Петушки представлялись красными леденцами на палочке — цыгане продавали такие по пять копеек у одесского зоопарка по выходным. Мама не разрешала их покупать ни в коем случае, потому что они сделаны в неведомых “антисанитарных условиях”. И оттого этот фигурный конгломерат жжёного сахара, невесть чем кроваво-прозрачно окрашенный и плотно насаженный на занозистую крепкую деревянную спицу, становился ещё более желанным. Так же будоражащим чувственностью, как непонятные “антисанитарные” слова, прозносимые Васькой:

— *А Семёныч, между нами говоря, редчайший бабник и утопист, история мира привлекала его единственно лишь альковной своей стороною!*

...когда он торжественно передавал нам синюю толстую книгу с генеалогическим древом французских королей на развороте. Неизвестный Веничка казался придурком. А смысл понятия “любовь” был далёк от нас, двенадцатилетних, как абсент от “Слезы Комсомолки”, интеллигентный доцент-филолог Василий Николаевич от опустившегося алкаша Васьки, а задрипаный полоумный старик Валентин Иосифович от прежде всесоюзно известного пианиста В.И. Светковича.

Нам не хотелось искусства. Мы жаждали безыскусности простых вещей: любви, ненависти, заговоров, драк и победы очевидно-мудрого, умеющего выждать нужный момент добра над хитросплетениями глуповатого несдержанного зла. Капетинги, Бурбоны и Валуа с “антисанитарными” мизансценами от французского беллетриста привлекали нас куда больше “Клима Самгина”. Хотя язык “буревестника” казался неоспоримо и однобоко величественнее и могущественнее запутавшегося в стилистических изысках неоднозначного Набокова, какие уж там галлы! Тогда. Не сейчас. Хотя, а что изменилось сейчас? Возможно, пройдёт немало

времени, и когда мы будем совсем старыми — лет, скажем, сорока, — мы и на “Защиту Лужина” посмотрим совсем иначе. Да и на самого Набокова. Кто запутан в несчастьях, а кто счастья так и не смог достичь — станет наверняка понятно много позже. Хотелось бы верить, что станет понятно. И не ради риторического выпендрёжа друг перед другом, не для того, чтобы уделывать оппонента софистикой, доведённой до совершенства, а на самом деле — просто понятно. Другое дело Дрюон — тот же Дюма, но с откровенными сценами почти группового казалась что секса, совмещённого с разработкой планов захвата власти в стране, так же далёкой от нас во времени и пространстве, такой же недостижимой, как Атлантида.

Сколько твоих знакомых бывали во Франции? Тётя Вера. Что тётя Вера знает о Капетингах? Ничего. Но она видела Эйфелеву башню, которую не видел никто из династии, зачатой Гуго Капетом. По крайней мере, царствовавшей. Потому что вполне возможно, что прямо сейчас где-то по улочкам Парижа бродит какой-нибудь странный юноша и носит в своей ДНК обломки того самого Гуго. Или даже не там. А вот здесь, за углом, звонит из телефона-автомата девушке из рода потомственных Дрищенок. И вообще, они друг другу кузены — через клан Иванопуло...

А тётя Вера была в “Мулен Руж”! Но говорила об этом только шёпотом и только сильно приняв на грудь. Более всего её потрясло в этом, как она выражалась, “вертепе” то, что мужчины, сидящие за столиками, кажется вовсе не реагировали на демонстрацию обнажённой женской плоти и были более увлечены друг другом, нежели почти голыми девушками, лихо выплясывающими на сцене. Забавно. Она так смачно об этом — о плясках, — рассказывала, что дядя Валера заявлял, что у него “встаёт”, а тётя Надя грустно шутила, что лучше бы у него вставало не на рассказы, а на действительность. В Танькином доме никто и никогда не выгонял детей из-за стола. В отличие от собственного, где было табуировано всё. Разве что кроме мультфильмов.

И в этом же “отчем доме” — всего лишь квартире, конечно же, — дурацкий псевдоэротический фарс “Баня”, упавший на голову с родительского шкафа, когда мы прыгали в запрещённые для квартирного пользования уличные “резиночки”. Пошлость, кишащая густо-телесным, вызвала не только гомерический хохот девчонок, но и вполне видимые изменения в штанах мальчишек-подростков. Смешно. Смешно и гадко. И жалко. Жалко всех — и родителей, и детей. Жалко даже жалкие штаны. Потому что в человеке всё должно быть красиво. Не этому ли учил Чехов, вдалбливаемый нам в головы учителями русской литературы? И одежда! Да-да, и одежда!

Мы все и были смешными, гадкими, жалкими детьми. Маленькими дурачками. Но мы выросли...»

Полина споткнулась.

«...выросли во взрослых дур и дураков!» — сердито подумала она, внимательно рассматривая носок сапога. «Слава богу, не поцарапала! Это же сапоги твоей воплощённой мечты! Исключительно для особо торжественных случаев. Потому что очень трудно достать красивую одежду, чтобы всё в тебе было красиво. А не только лицо и мысли. А ты тут, кстати, думаешь всякую некрасивую никчёмную ересь и совершенно не смотришь под ноги!»

Так, или примерно так, размышляла Полина Романова, одна из главных героинь нашего студенческо-коммунального сумбура. Такого, знаете ли, где главные героини молоды, где кто-то проживает постоянно, а кто-то на время поселился. К кому-то гости зашли и мимо постоянных жильцов пробежали к временным (выпив по дороге со случайными) — и растворились навсегда. Сумбура, выпяченного не по правилам, в полном несоответствии с графиком дежурств по коммунальной писательской кухне. Такого, в котором иные сюжетные линии вылизаны и блестят, как плита идеальной хозяйки, а прочие чем-то похожи на захламлённый балкон

несчастной одинокой старухи. Сумбура, напоминающего жизнь. Но жизнь — не план-график, а божественный промысел, и никому, кроме Ответственного Квартиросъёмщика, не дано знать, почему и зачем, чёрт возьми, в коридоре на стене висит этот пыльный медный таз! Возможно для того, чтобы кто-то когда-то сварил в нём, наконец-то, айвовое или вишнёвое варенье. Или затем, чтобы именно этот таз упал на голову злоумышленнику. А может, просто висит себе и висит — элементом «винтажного» декора, и думать о нём все забыли, но пыльный медный таз не перестал от этого быть тем, чем он был, есть и будет, — медным тазом.

Нашей главной героине едва минуло восемнадцать лет, но временами она казалась себе очень взрослой. Даже чаще всего. Интересно, есть хоть кто-то, не казавшийся себе в этом возрасте очень взрослым и очень умным? Кто же теперь правду скажет!

Вряд ли Полина имела хоть малейшее отношение к последней русской императорской династии. Романовых на планете чуть меньше, чем Ивановых-Петровых, но всё-таки куда больше, например, Рюриковичей. Если вы пороетесь в своих родственниках-друзьях-приятелях и знакомых ваших знакомых, среди них наверняка обнаружится какой-нибудь Вася Романов. Но вряд ли будет Коля Капет или Ваня Рюрик. Так что в имени Полина Романова нет ничегошеньки необычного. Во всяком случае, для русского уха. Листая в детстве телефонный справочник в серой дерматиновой обложке, лежащий рядом с телефоном в доме родителей, Поля обнаружила, что Романовых там целых полторы страницы. И ещё несколько — Романевичей, Романковичей, Романовичей, Романовских и даже один Романсихер.

Полина, листая справочник, и понятия не имела, какова фамилия русского царя. И даже не предполагала, что у царя может быть фамилия. Потому что период интереса к телефонному справочнику совпал — по возрасту — со сказками о царе Горохе. И девочка решила, что царям фамилии не по-